

Наша глава открывается стихом "И ГОВОРИЛ Б-Г С МОШЕ НА ГОРЕ СИНАЙ, ГОВОРЯ: ... КОГДА ПРИДЕТЕ В ЗЕМЛЮ, КОТОРУЮ Я ДАЮ ВАМ, ТОГДА ЗЕМЛЯ ДОЛЖНА ПОКОИТЬСЯ В СУББОТУ Г-СПОДНЮ" (Ваикра, 25:1-2).

Это – вступительный стих, открывающий раздел закона о седьмом годе, годе шмиты, когда большинство аграрных работ становятся запрещенными. В этой связи не ясно, зачем Тора подчеркивает, что эти законы даны именно на горе Синай, ведь и другие законы имеют тот же источник! Чтобы объяснить этот момент, РаШИ использует принцип тождества: закон шмиты взят в качестве примера, чтобы показать, что как все подробные детали этого закона были даны на горе Синай, а не выдуманы Моше самостоятельно, так же и детали, и различные аспекты остальных законов Торы также были получены во время Синайского откровения, пусть об этом и не сказано прямо.

Тут следует задать два вопроса:

Во-первых, почему Тора поместила разъяснение этого принципа именно в главе Бе-гар, и во-вторых, почему в качестве примера была взята именно заповедь седьмого года. Заповеди, связанные с Песахом, тоже были описаны достаточно детально, но, однако не были взяты Торой как архетип подробного изложения всех аспектов конкретной заповеди.

На первый вопрос нам поможет ответить рабби Шимшон Рефаэль Гирш. В своем комментарии на Тору он связывает указание "на горе Синай" со случаем, описанным в предыдущей главе Эмор:

"И ВЫШЕЛ СЫН ИЗРАИЛЬЯНКИ, ОН ЖЕ СЫН ЕГИПТЯНИНА, В СРЕДУ СЫНОВ ИЗРАИЛЯ, И ПОССОРИЛИСЬ В СТАНЕ ЭТОТ СЫН ИЗРАИЛЬЯНКИ С ИЗРАИЛЬЯНИНОМ. /11/ И ОСКОРБЛЯЛ СЫН ИЗРАИЛЬЯНКИ ИМЯ БОГА, И ПРОКЛИНАЛ. И ПРИВЕЛИ ЕГО К МОШЕ". (Ваикра 24:10-11).

В результате ссоры еврей, отцом которого был египтянин (это сказано для того, чтобы указать на нечистое происхождение этого еврея как на источник такого страшного преступления, как оскорбление Имени Вс-вышнего) позволил себе произнести проклятие в адрес Творца вселенной. Это было явным и серьезным преступлением, однако евреи не знали, как поступить с преступником. Его поместили под стражу, и обратились за разъяснениями ко Вс-вышнему. Ответ был суров - этот человек заслужил побиение камнями, одну из двух наиболее суровых казней, предусмотренных Законом Торы. Однако тот факт, что даже в таком однозначном случае потребовалось обращение "на самый верх", показывает, что еврейское правосудие находилось еще в зачаточном состоянии. При этом все данные для "земного" приговора уже имелись – Моше получил их ранее во время откровения на горе Синай. После знакомства с этим отрывком у читателя могли возникнуть вопросы по поводу происхождения деталей других заповедей, о которых не было известно, обращались ли к Б-гу за подробными разъяснениями. Поэтому Тора стремится сразу подчеркнуть, что все заповеди были даны Моше с полными и исчерпывающими деталями.

Со вторым вопросом дело обстоит сложнее. Почему же все-таки именно заповедь седьмого года была избрана как архетип детализированного закона? Различные комментаторы дают различные объяснения этому. Мне хотелось бы предложить вам интересное, как мне кажется, мнение. Как известно, заповеди делятся на несколько типов. С одной стороны, есть заповеди предписывающие определенные действия ("асэ", и есть заповеди запретительные ("лав"). Помимо этого, есть те, что регулируют отношения между человеком и Б-гом ("бейн адам ле-Маком"), и те, согласно которым должны строиться отношения между людьми ("бейн адам ле-хаверо"). Есть заповеди, касающиеся личности человека ("прат"), и относящиеся ко всему народу Израиля ("кляль"). А еще есть мицвот, которые были актуальны только во время Храма, и те, которые мы исполняем и сейчас. Ну, и наконец, есть заповеди из Торы ("де-орайта"), и установленные мудрецами ("де-рабанан"). Так вот, в комплексе заповедей, связанных со шмитой и йовелем (пятидесятым юбилейным годом), представлены все эти разновидности!

Приведем несколько примеров. Седьмой год назван Шабат а-арец – Субботним отдыхом земли. То же, что Шабат для людей, Седьмой год – для земли. Это аспект, связанный с сотворением мира. Согласно одному из мнений, год шмиты призван отвлечь народ Израиля от материальных забот и позволить им посвятить свое время изучению Торы и заповедей. Это – социальный аспект. Другой комментатор говорит, что шмита призвана подчеркнуть мысль о том, что вся земля принадлежит Вс-вышнему, а мы на ней – лишь временные арендаторы (отношения между человеком и Б-гом). В седьмой год все плоды земли принадлежат Вс-вышнему, и хозяин сада или поля обязан позволить любому человеку взять себе часть урожая (отношения между людьми). Во времена Храма шмита была "де-орайта", а сейчас, по большинству мнений – "де-рабанан". Есть моменты, которые должны контролировать общественные структуры, например, корчевание и уничтожение "сфихим" (самороста, т.е. тех злаков и овощей, которые выросли сами, т.к. существует опасение, что люди могут засеять поле, и попытаться выдать то что выросло, за саморост), или же "оцар бейт-дин" – раввинский суд мог взять под свою опеку сады, и имел право распределять плоды седьмого года среди населения. Но все же основные аспекты этой заповеди ложатся на отдельно взятого человека. Таким образом, мы видим, что шмита – это, пожалуй, единственная в своем роде заповедь, охватывающая все аспекты еврейского Закона, и поэтому выбрана она была не случайно.

Когда еврей, соблюдающий заповеди, или приближающийся к Торе, натывается порой на какой-то практический момент, кажущийся ему надуманным или излишним, он должен отослать свою мысль к заповеди седьмого года – она, как раскидистое дерево, протягивает свои ветви в самые разные сферы нашего Закона, и вместе с тем демонстрирует, что все исходит из единого корня. Весь мир, созданный Творцом, подобен перевернутому дереву. Соки, текущие от небесных корней, питают земные плоды, а те, в свою очередь, возвращают отраженный и преображенный свет обратно, в небеса. Душа каждого из народа Израиля - маленькое зеркальце, способное отразить великий свет, свойственного только ему оттенка. В этом и состоит особая задача каждого из нас, и всего народа в целом.